

18+

Сергей Штанько

МЕРСЪЕДИАНА

Сборник рассказов

Сергей Штанько Мерсьедиана. Сборник рассказов

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63584447
ISBN 9785005197672*

Аннотация

Пред вами сборник рассказов в модернистском и философском духе, посвящённых сквозному персонажу, разным эпохам жизни и её вечным вопросам. Проза переливчатого стиля полна иронии, подчас горькой, задумчивости и разнообразных отсылок. Несколько рассказов ранее были опубликованы в сборнике «Удивительное путешествие и необычные деяния мистера Сайфера».

Содержание

Хуан Мерсьедо

5

Конец ознакомительного фрагмента.

20

Мерсьедиана

Сборник рассказов

Сергей Штанько

© Сергей Штанько, 2020

ISBN 978-5-0051-9767-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Хуан Мерсьедо

В юности Хуан Мерсьедо слыл мечтателем, однако не в такой степени, как это бывает у иных мечтателей, мешая учёбе, работе, семейным отношениям и отправлению прочих социальных обязанностей. В школе Хуан без особого энтузиазма, но вполне исправно участвовал во всех приличествующих отрочеству забавах и увеселениях. Сам он не испытывал от них того удовольствия, которое, как он видел, имели его сверстники, ощущая вместо того скорее то, что он *должен бы* его испытывать. И, будучи воспитанным благонаравно, он всячески старался исполнять долг доброго сына, прилежного ученика, исправного участника развлечений.

Возвращаясь с учёбы домой, Хуан наслаждался чувством выполненного долга в отношении учёбы и своих мальчишесств, и, как его отец после работы заслуженно вкушал бокал—другой вина или рюмку писко в лучистых объятиях верного телевизора, с регулярной заботливой ежевечерностью приносящего в дома среднего класса голливудские кинофантазии, так и Мерсьедо—младший считал вполне заслуженными свои вечерние наслаждения, даримые домашней скромной библиотекой, такой одинаковой в семьях безликого этого класса, в дебри которой он уходил, как иные уходят в опийные курильни.

Из уютного мира оживляемых ярким его воображением

книжных строк его вырывали оклики отца, громогласно приглашающие вкусить зрелище очередного футбольного матча, как иные вкушают наслаждение от живописных полотен, причаститься материнским заботливым ужином, подставить свои щёки для нежной трёпки зашедшей в гости родне, умилявшейся его скорым ростом и возмужанием, или же товарищи, зовущие принять участие в уличных играх и незатейливых физических упражнениях. Игры, в основном, казались Мерсьедо скучными, а результат и победитель в них – совсем не такими важными, как это виделось его компаньонам; упражнения позволяли избежать неловкого общения на темы, Хуана мало интересовавшие, или же казавшиеся ему неудобными для обсуждения, и, сверх того, наполняли его тело дарующими приятную самоуверенность силой и ловкостью. Упражнения Мерсьедо любил.

Изо дня в день повторялась череда монотонных школьных занятий, семейных вечеров, забежавших в гости тётюшек, разной степени невинности проказ с товарищами, сливаясь для Хуана в некую неизбежную обязанность. Примерно, как посещение церкви, несмотря на неверие в живущего там бога, или непременно учитывая вежливость в отношении постылых родственников, что особенно лицемерно проявлялось в потоках слащавых открыток, немилосердно загружавших почту в канун крупных праздников. Мерсьедо сперва пытался было сравнить всю эту социальную неизбежность с чисткой зубов или врачебным осмотром, но был вынужден

признать безусловную пользу последних; в первой же пользу пришлось поискать. По некоторому размышлению Хуан решил, что социальная неизбежность в перспективе способна обеспечить его средствами к существованию – зрелая мысль для отрока, пребывающего в том возрасте, когда в будущем обычно видят себя кинозвёздами, финансовыми воротилами, полководцами, искателями приключений и охотниками за головами; Мерсьедо, конечно, тоже предпочёл бы подобную карьеру тем скучным вещам, которыми на жизнь зарабатывал его отец, однако здравомыслие уже подсказывало, что такое развитие событий куда более вероятно, чем командование стопушечным фрегатом во главе лихой команды головорезов. Кроме того, уже сейчас это давало возможность приобщиться к возможным будущим средствам своего пропитания.

И Мерсьедо, смутно представляя себя в будущем кем—то вроде учёного или университетского профессора – всегда в костюме, всегда учтивого и важного, всегда занятого какими—то интеллектуальными трудами. Чем именно такие люди занимаются, Хуана толком не знал, но отчего—то был уверен, что это чертовски интеллектуально, важно, интересно, сверх того, – такие люди между собой наверняка не обсуждают рыбалку, давешний футбольный матч или починку своего автомобиля. Словом, это было дело как раз по нему.

И Хуан страстно погружался в книги, хватая их жадно и без разбора, чувствуя себя в библиотеках и книжных ма-

газинах как пьяница в винной лавке. И так же, как пьяница, хватал с полок то и это, совершенно бессистемно, лишь бы только скорее затушить огонь своей страсти. Он брался за древние языки, отчего—то пребывая в уверенности, что их знание непременно для культурного образованного человека, принимался изучать латынь, осваивал два—три падежа и некоторую лексику, как вдруг понимал, что до чтения Вергилия в оригинале ещё чертовски далеко, зато, заинтересовавшись сходством латыни и других языков, переключался на сравнительное языкознание.

Разобравшись в изоглоссах и палатализации, он с естественной плавностью переключал своё внимание с языкознания на этнографию, погрязая в креолизационных и пассионарных теориях этногенеза. Тем временем возмужание шло своим чередом, не пропустив и Мерсьедо в ряду его сверстников. Вместе с первой растительностью на лице появлялся новый волнующий интерес к сверстницам и иногда даже девушкам постарше. Сверстницы казались Хуану куда привлекательнее жидких жалких усиков, поэтому он тут же бритъём ознаменовал вступление в возмужалую почти взрослую жизнь.

Предпочтение сверстниц, однако, доставалось кому—то повзрослее и помужественнее, что вызывало разной степени жалости попытки соответствовать: опыты с курением дрянных папирос, сомнительного писко, нонконформизм, выражавшийся, как правило, в слушании довольно ужасной му-

зыки и ношения уже определённо ужасной в своей безвкусице одежды; некоторые, проявив больше дальновидности, пытались привлечь девичьи симпатии успехами в спорте; самые отчаянные пытались разные способы совмещать. Женщины предпочитают мужчин, а не мальчиков, — это не могло удивить такого созерцателя, знающего жизнь пусть в основном теоретически, но уже довольно неплохо, как юный Мерсьедо.

Посему он не стал сражаться с мельницами, а жил так, как было ему удобно и уместно. Подобный образ жизни подвергся испытанию в момент окончания школы и выбора будущей профессии. Хуан заикнулся было о философском факультете университета. Мерсьедо—старший безапелляционно заявил, что философия — вовсе не профессия, а даже и будь ею, она была бы совершенно не мужской и не достойной отпрыска его славной и порядочной семьи. Его супруга, считавшая философию пустым умствованием, вроде игры в лото с мудрёными цифрами вместо терминов, идею не тоже одобрила, но из любви к сыну делала это мягче мужа.

После долгих препирательств был достигнут компромисс, в результате которого Хуан Мерсьедо стал студентом исторического факультета. Мерсьедо-отец поначалу и эту профессию счёл не серьёзной, но затем, видя прилежание сына за внушительными стопками книг, сменил ворчание на немногословное одобрение; Мерсьедо-мать уже видела любимого отпрыска в академической мантии и автором вли-

ательных исследований; Мерсьедо-сёстры подтрунивали над чрезмерном, на их взгляд, увлечением брата сухой теорией в ущерб реальной чувственной жизни; Мерсьедо-тётки смотрели на него совсем как на взрослого, и уже не трепали за щёки, а если иногда, по старой привычке, и прибегали к этой процедуре, то осуществляли её определённо уважительно.

Университет давал немыслимую для школы свободу мысли, в которую новоиспечённый студент окунулся с головой. Помимо обязательных курсов он слушал физику, математику, механику, психологию и чуть ли не половину курсов по искусству. И дело было не в том, что он не знал, чего хочет, или ставил своей самоцелью максимальное развитие эрудиции. Дело было в бесконечной любознательности и ненасытной страсти познавать мир во всех его взаимосвязях и проявлениях. Мерсьедо хотел узнать, как жил средневековый крестьянин, турецкий паша, древнеэллинский философ и современный абориген канадского севера. Более того, он не просто хотел узнать, как они жили, а хотел понять, каково быть ими. Он хотел быть всеми этими древними и современными людьми, ощущать себя ими. А ещё он силился представить, что могут ощущать неодушевлённые предметы и даже явления: например, каково Венеции зимой, или как себя чувствует академическая живопись в эпоху поп-арта и абстракционизма худшего пошиба.

За такие интересы он слыл чудаком, чудаком, впрочем, славным, и по-прежнему бывал приглашаем на встречи од-

ноклассников, сокурсников и товарищей по детским играм. Однако разговоры о выпивке, футболе, политике и женщинах он поддерживал неохотно и неумело, и подобные приглашения случались всё реже. Затем интересы стали переключаться на семейную жизнь, домик в пригороде и достоинства автомобилей, позволяющих в этот пригород добираться, и Мерсьедо, в подобных темах заинтересованный ещё менее, понемногу стал отходить в область приятных воспоминаний своих товарищей детства.

Приглашения появлялись реже, и Хуан был вполне доволен, потому что участвовать в таких встречах ему становилось всё труднее. Теперь ему начинало казаться, что он избавляется от социального рабства необходимости периодических встреч с друзьями, пустых разговорах о погоде, политике, эстрадных исполнителях, новинках кинематографа и сплетен о семейной жизни мало знакомых и не более того интересных ему людей. Вместе с тем, Мерсьедо стал не без разочарования замечать, что его широкие интересы мало кем разделяемы даже среди его товарищей по университету. Большинство из них специализировались узко в своих областях, не забывая, кроме того, до некоторой степени отдаваться и участию в обычной, человеческой, не академическо-университетской жизни.

Таким образом, к окончанию университета круг общения Хуана Мерсьедо оказался больше, чем этого можно было ожидать, однако с каждым участником этого круга он об-

щался ограниченно и на темы, соответствующие его, участника, специальности. Мерсьедо расширял и углублял свои мало применяемые энциклопедические знания, его коллеги были рады найти заинтересованного собеседника; все были довольны.

Вместе с академической шапочкой Мерсьедо получил в обучение две группы студентов и принялся за диссертацию о трансформативной герменевтике квантовой гравитации. Студентами он считался преподавателем чудаковатым, но добродушным и справедливым; коллегами – хорошим исполнительным сотрудником; начальством – подчинённым без лишних претензий, вопросов, и политической активности. Словом, Мерсьедо был идеально для своего места подходящ. Число страниц диссертации росло, частота встреч со старыми знакомыми убывала, семейные связи поддерживались скорее инерцией и с детства воспитанными чувствами приличий и некоторых обязательств.

Мало интересуясь общепринятыми развлечениями, вроде выпивки, кинематографа, ночных баров и тому подобного, не имея семьи, не гонясь за квартирой побольше в районе попрестижнее, и за машиной поновее и помощнее, Мерсьедо жил вполне преуспевающе, не имея недостатка ни в чём, кроме, разве что, времени на свои изыскания, да некоторой труднонаходимой информации. Он увлекался то русскими книгами, полными чаепитий на фоне упадка отмирающей усадебной жизни, демонических помещичьих семейств,

лишних людей и днепровско-петербургских фантазмагорий, то уходил в дебри восточной и околотовосточной философии, полной причинно-следственных связей, кусков глины, перерождений и отказа от авторитета текстов и слов; с восточных туманных учений он переключался на не менее путанные новомодные евротечения марксизма, пытаясь взять в толк, как не плохая, по сути идея, смогла мутировать в то, что можно наблюдать в России и Восточной Европе, а с недавнего времени ещё и в тех азиатских краях, где должны бы процветать туманные учения о кусках глины, трёх футах льна и сливовой цветущей ветке.

По мере умножения знаний множились не печали, а авторитет в академической среде, Мерсьедо получил звание профессора и заслужил вместе с материнскими восторгами скупое одобрение отца. Дальнейшая жизнь и карьера казались безоблачными, а главное – давали редкое счастье заниматься любимым делом, развивать его и себя в нём, получая за это помимо денег уважение и почёт. И Мерсьедо сполна наслаждался этим счастьем, изредка омрачаемым досадными мелочами, вроде отсутствия нужных книг в библиотеке и необходимости выписывать эти книги и томиться ожиданием.

Иногда случались проблемы посерьёзнее, вроде очередного экономического кризиса, и вызванного им массовых демонстраций, иногда даже приводивших к смене правительства. В университете к этому относились с научным любопытством, рассуждая о договорной и насильственной тео-

риях происхождения государства, прямой и буржуазной демократии, классовой борьбе, и других вещах, довольно мало связанных с происходящими на площади в двух кварталах от университета реальными событиями. Однажды даже случилась почти настоящая война за какие-то отдалённые пустынные скалистые острова, мало кем населённые, и еще менее кому интересные. Не смотря на формальность повода, неразумность причин и ничтожный, по сути, приз, война велась как полагается: с применением новейших технологий, которые почему—то негоже использовать, чтобы делать жизнь лучше, а только для того, чтобы её прервать, авианосцев размером чуть не с те самые острова, глубоко ныряющих субмарин, высоко и быстро летающих самолётов, и, как дань старине, солдата, голодающих и мёрзнущих в окопах, как и сотни лет назад.

Война расшевелила интеллигентские круги не хуже, чем коробка клубков кошачью стаю. Только и было разговоров, что о безусловно поведенческих предпосылках к войне, оппонировавших этому мнению сторонников мальтузианских и пассионарных теорий, да бесконечных сравнений технических характеристик «наших» и вражеских видов вооружений. Много рассуждалось о фундаментальных основах международного права, роли ООН в урегулировании конфликтов, обоснованности территориальных претензий и «исторической справедливости» границ. И, как водится, едва ли кто-то поинтересовался взглядами на справедливость жителей

тех самых несчастных островов.

Война быстро забывалась, и главным напоминанием о ней скоро осталось лишь то, что президентом стал один из ведущих ту кампанию генералов. Впрочем, Мерсьедо периодически не читал (а если и читал, то весьма специализированную, вроде «Эсхатологического вестника» и «Вопросов онтологии»), и о новом президенте узнал только когда был приглашён на вручение из его новопрезидентских рук какой-то заслуженной на академическом поприще награды. Президент был как президент, кажется, не хуже прежнего. Только, отметил профессор Мерсьедо, этот, в отличие от прежнего, одет был в военную форму. Ну да и был он генералом, так что, пожалуй, ничего странного, заключил профессор, не клоунский же костюм он на себя напялил, вот это было бы действительно необычно, закончил Мерсьедо про себя.

В университете разгорелись дискуссии о превосходстве новой власти над старой. Сторонники были, как водится, у обоих мнений, появилось ещё третье: власть от народа, а сменился только президент – наёмный администратор, вроде ресторанного метрдотеля, только чуть поважнее. Третье мнение особого распространения не получило. Новый президент же недурно заботился о науке, судя по увеличившемуся финансированию университетов, лабораторий и конструкторских бюро. Правда, направлено оно было, в основном, на науки точные и исследования характера прикладного, разного рода отвлечённым мыслителям доставались

лишь брызги дождя благоденствий, изливающегося на машиностроителей и, всего более, оружейников. Мыслители, как таковым и подобает, восприняли ситуацию философски: в самом деле, физикам нужны разные частичные ускорители, машиностроителям и оружейникам – станки, стенды, аэродинамические трубы и всё в таком роде; философам, историкам, искусствоведам, математикам, языковедцам и прочим постигателям человеческого разума и его порождений довольно, в основном, бумаги да перьев.

Нашлись, конечно, и недовольные таким положением вещей. Впрочем, такие всегда ведь находятся; верно, даже в греческом Золотом Веке была таких парочка. Кто-то выражал недовольство справедливостью распределения средств, другие – самим наличием этого распределения, проведённого волевым решением правительство мимо тяготящихся демократических процедур (консеквенциалисты возражали, что средства на науку и производство – дело, несомненно, хорошее, а если демократические процедуры не давали его реализовать, может статься, в процедурах-то и проблема); третьи недовольствовались толком не ясно почему, вероятно потому, что некоторые всегда будут недовольны, даже при оценке самых благих и полезных деяний.

Время шло, всё понемногу забывалось, скоро умолк и гул недовольство. Затем сменился и президент. Новый отправитель должности тоже был военным, так же имел склонность носить военную форму, так что, изменения были едва ли за-

метны для не слишком внимательного наблюдателя. Правда, новый президент помимо формы носил ещё солнечные очки, и ходили слухи о какой-то травме глаз, что выглядело вполне правдоподобным: какие только неприятности не случаются при исполнении священного долга защиты родины. Родину новый президент защищать любил и продолжал, что проявлялось в периодическом обнаружении внешних врагов, против которых непременно надо сплотиться, и врагов внутренних, для спасения от происков которых надо было усилить бдительность.

В окружении врагов прошёл первый президентский срок, и наступили выборы, и срок второй. На втором сроке враги в основном были успешно одолеваемы, однако на их месте всегда оказывались новые, которые были всё более хитры и изворотливы. К концу второго срока побед над недоброжелателями выяснилось, что конституция третий срок не позволяет; но страна уже не могла без защитника, и недавний президент возглавил Правительство и специально созданное Министерство Внешней и Внутренней Безопасности. Президентом был с убедительным результатом избран верный соратник правящей партии, который с трибун и телеэкранов громогласно громил тех и этих, обещал покарать виновных и наградить заслуживающих, поднять сельское хозяйство, одолеть коррупцию и совершить прочие геракловы подвиги современной политики. Кроме грозной риторики и соответствующего выражения лица местоблюститель президентско-

го места мало чем запомнился.

Несмотря на новосозданные министерства и ведомства, призванные бороться с врагами, коррупцией и вредительством, экономические кризисы участились, да так, что упадочное состояние экономики стало постоянным. А так как всякому известно, что кризис вызывается нарушением нормального хода экономических вещей, то раз уж нехватка того и сего стала как раз ходом нормальным, значит, и кризиса как бы не стало, а стала очередная победа мудрого правительства. Конечно, снова нашлись недовольные. На этот раз их было меньше, от того ли, что только совсем уж не сознательные граждане могут быть недовольны мудрым правительством и его экономическими победами, от того ли, что газеты, радио, и всего более телевидение стали пристальнее относиться к выбору освещаемых тем; то ли, как утверждали некоторые, в дело вступила цензура. Эти некоторые тоже, понятно, были недовольны.

Время шло, бывший президент занимал разные важные должности, которые в совокупности можно было бы назвать Отец и Спаситель Отечества, и продолжал бороться с врагами, неустанные происки которых понемногу подрывали экономику и благосостояние граждан. Благосостояние, однако, величина не строгая, и математически не очень измеряемая. И если, скажем, потребление мяса за последний год сократилось, это могло компенсироваться возросшим на 3781,43% с тысяча девятьсот тринадцатого года потреблением шоко-

лада. Нашлись, конечно, и на эту статистику недовольные, правда, совсем уже мало, и голоса их быстро смолкли перед неувядающим контраргументом, что как бы не падало потребление низменных материальных продуктов, всё это ни в какое сравнение не идет с установившейся под мудрым руководством стабильностью и духовным превосходством над бессчётными окружившими нашу прекрасную страну врагами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.